

Башкуев Г. Сломанные перья / Геннадий Башкуев // «Московский комсомолец» в Бурятии. – 2023. – 11-17 янв. (№ 3). – С. 6.

Виктора Носкова окрестили наследником великого односельчанина Исаия Калашникова
Блестящее начало и гибельный финал. Этот рок преследовал писателей, коих имел честь
знать.

Слом эпох родил у них трагическое ощущение неприкаянности. Для вдохновения нужно
сердечное спокойствие, писал Пушкин незадолго до смерти. Душевное равновесие, дабы
противостоять судьбе, дает семья, дом. А дома у них не было, лишь его руины.

Виктор Носков, № 1

Когда в феврале 1994-го я приехал в знаменитое общежитие Литинститута по ул.
Добролюбова в районе метро «Бутырская», Виктор Носков варил последнюю горсть
рожек. Комната Вити на 5-м этаже, где жили слушатели Высших литературных курсов,
находилась против общей кухни. Однако масла, даже заемного, не было. Не было и
мелочи на проезд до столовой Литинститута. Инфляция обесценила стипендию.
Руководство курсов, входя в нужды курсантов, предлагало по талону иезуитский выбор:
обед или завтрак. Третьего не дано.

А у меня денег было, как у дурака махорки. В смутные 90-е я встрял в коммерческий
издательский проект. Макет делали московские художники.

Симптоматично (и симпатично), что Витя с ходу предложил койку, не удивившись моему
появлению, – слушателям ВЛК полагалась отдельная комната. Запомним эту его
готовность поделиться кровом.

«Тут перед тобой Баир ночевал», - сказал Носков.

Дело было накануне Сагаалгана. Купили мяса, лука, водки. Набежали оголодавшие
сокурсники. Хозяин комнаты, едва утолив первый голод, деликатно удалился.

Сокурсники, уминая нежданное угощение, рассказали, что мой земляк на курсе авторитет
№ 1. Вряд ли то была рефлекторная благодарность («Давно не ел мясного», - прослезился
один из них). Виктор Носков - прозаик от Бога, вторил я им, родом из староверского села,
он – носитель традиционного письма, его чистоты и пушкинской высоты. (Так говорил я
30 лет назад, так думаю сегодня). Да, да, подхватили за столом, недаром к нему в поисках
языковых блесков липнут стажеры-слависты из Европы, они жили в общежитии на
Добролюбова.

Виктор, хозяин собаки

Начало его писательского пути - блестящее. В 1977 году за повесть «Макар Нелюбин - хозяин собаки» Виктору Носкову присуждены премии журнала «Байкал» и Ленинского комсомола Бурятии. Его тут же окрестили наследником великого односельчанина Исяя Калашникова.

Виктор Матвеевич Носков родился в 1946 году в селе Шаралдай Мухоршибирского района Бурятии. Работал в ремонтно-тракторной станции, окончил вечернюю школу и Мало-Куналейское СПТУ. Армия, районная газета.

Кстати, в стенах «районки» в конце 70-х состоялась наша первая встреча. Будучи в командировке от «Правды Бурятии», заехал в редакцию. Журналист я был молодой, фактов для статьи не хватало. Зав. отделом Носков щедро поделился ими.

80-е стали еще одной ступенью к литературному Олимпу. В 1980-м «Макар Нелюбин - хозяин собаки» вышел отдельным изданием в Бургизе, а к концу десятилетия книгу «Заботы - хлопоты» опубликовало издательство «Современник». Казалось, вот и Москва поверила слезам...

Все изменили пореформенные 90-е, впрочем, как и для многих. Понятно, рынок, инфляция, безработица... Витя не был «городской штучкой», сельчанин, рабочая кость, он умел делать руками всю мужскую работу. Будь у него крепкий тыл, дом, семья, уверен, он бы легко одолел временные неудобства. Вспоминается, на третий день наших возлияний в общаге Литинститута, поутру, когда раскальвалась голова, Виктор разбудил стуком сапог: слушатель ВЛК устроился дворником и собирался на смену. От предложения «поправиться» отказался, заявив, что надо идти долбить лед.

Совсем как Макар Нелюбин! Согласно официальной советской аннотации «книга посвящена злободневной теме — пьянству, опустошающему человека. Влияние рабочего коллектива сибирского леспромхоза подготовило его возрождение, в конце повести герой выдерживает испытание на человечность».

Однако опустошило Виктора Носкова не пьянство (он знал меру). Распалась семья, ушла к другому жена. Причем, в реалиях деревни это было сделано прилюдно, с грязноватыми деталями и сплетнями. А главное, «бывшая» настроила против него детей.

Когда я снова заявился на Добролюбова, Витя не ответил на мое бодрое приветствие, держа в руках письмо. И долго сидел на койке, замороженный...

На этот раз Витя легко согласился на выпивку. Лишь пропустив грамм сто, хозяин оттаял, разгладил ученический листок, тяжело вздохнул:

- От дочки это... Не пиши нам больше, мол. И тэ дэ... Нету дома у меня, Гена.

И попросил не уходить обратно в гостиницу, а пожить в общаге день-другой.

Название первой книги Носкова – двухслойное, зашифрованное. Формально у автора дом был – старенький, в селе Мухоршибирь. Он мог вернуться туда и даже завести, как

прежде, собаку. «Чтоб вместе выть от тоски», - усмехнулся Виктор. Дом это семья, по Носкову, дыхание близких людей, дорогие сердцу мелочи. Иначе это не дом.

Желтое верблюжье пальто

Мы с Витей решили сварить суп. Я полез в темнушку за солью. И застыл, пораженный. На вешалке резануло глаз желтое длиннополое пальто, модное, шерстяное, с шелковым подкладом, с биркой немецкой фирмы.

Оказалось, пальто подарила аспирантка из Германии, славист-филолог с турецкими корнями. Она жила на одном этаже со слушателями ВЛК. Я часто видел ее, худенькую, чернявую. Девушка то и дело стучалась в комнату Носкова, с легким акцентом предлагая то сладости, то иную вкуснятину, приготовленную ею. Никаких аллюзий. Как филолог она видела в Носкове прежде всего большого писателя, мастера слова. Кроме того, у нее был жених – немец. Ему-то она купила верблюжье пальто. Но оно оказалось маловатым крупному немцу и впору Виктору. Носить его он не помышлял: «Желтое, ё-моё, какое-то...». А рассчитывал продать на Черкизовском рынке. Пальто висело в темнушке не первый месяц – Витя не был торгашом.

«Смотри, не продешеви, - наставлял я его. – Вещь супер!»

Мы с Витей были примерно одной комплекции. Я померил пальто.

«Дарю», - выдохнул хозяин.

Радостный, ушел в гостиницу. Там мне стало стыдно. Я прикинул среднюю цифру между ценой в дорогих бутиках и ценой на Черкизовском, стараясь не обидеть земляка.

Витя обрадовался деньгам, как мальчишка. Позднее увидел, на что он их потратил. На столе возвышалась новенькая пишущая машинка, немецкая, что и пальто.

Щи с мясом. Запах дома

«Щи будешь?» - огорошил меня Виктор год спустя, на втором годе обучения на ВЛК. И зачем-то добавил: «С мясом щи, не думай...».

Была весна. В комнате на Добролюбова пахло щами и надеждой. А еще – свежестиранным бельем. Приходилось нагибаться - комнату пересекали влажные трусы и рубашки. На плитке из кастрюли торчала поварешка. На стене зеркало. Чувствовалась женская рука.

Витя, трезвый, как стекло, перехватил мой взгляд, упомянул Таню (назовем ее так). Таня, поэтесса, училась на тех же Высших курсах, годом старше. Она по инерции жила в общежитии Литинститута и работала, кажется, в театре-на-Покровке в литчасти. В театр ее устроил известный драматург Владимир Гуркин, земляк, иркутянин. Я знал «Палыча» по семинарам драматургов.

Пришла с работы Таня. «О, еще земляк!» – воскликнула она. Таня была из Иркутска, где имелась трехкомнатная квартира, в ней жил сын.

Судя по всему, черная полоса в жизни Носкова была позади. После окончания курсов «молодожены» планировали вместе вернуться в Иркутск, в пустую квартиру, а сын хотел зацепиться в Москве. Денег хватало лишь на один билет плацкартой. Решили, что Виктор пока что поедет домой один, тем временем Татьяна дождет сына в Москве, а потом они воссоединятся в Иркутске.

Я искренне порадовался за товарища. Однако билет был на одного. В один конец...

Билет в один конец

Последняя наша встреча с Виктором Носковым случилась двумя годами позже в Улан-Удэ в редакции еженедельника «Вестник Бурятии», когда я еще не износил желтое верблюжье пальто. Утром 1997-го, прямоком с рейсового автобуса из Мухоршибири, в Дом печати ввалился Виктор.

И опять была весна, но надеждой не пахло – скорее, неясной тревогой. Холщовую сумку литератора отягощали не рукописи, а початая бутылка водки и надкусанный пирожок. Да и сам Витя был под хмельком – в 11 утра... Удивить этим журналистов трудно. Удивился другому: «Ты не в Иркутске? А где Таня?»

Витя обреченно отмахнулся. На этот раз отказался от выпивки я. Но желающие «ассистировать» пишущему собрату нашлись. Заметно окосев, Носков нехотя поведал, что так и не дождался приезда любимой женщины из Москвы. «Да, да! – раздраженно дернулся Витя. – И писал ей, и звонил! И в Литинститут, и в общагу, и в театр... Тишина!». И мрачно добавил: «Гробовая...».

Носков и так-то по жизни был смурным. На первый взгляд. Но ему не требовалось «испытание на человечность». Немногие знали, что это теплый и отзывчивый человек, готовый поделиться кровом и хлебом. Он стоически держал удары судьбы, предательство близких, лишения быта. Случись общая беда, он бы лишь подпоясался. Но последняя в жизни любовь пробила обшивку сурового писателя-«деревенщика», шукшинского закала и мастерства. И он сломался... Так Виктор Носков, хозяин собаки, оказался владельцем псовой будки да постылых стен. «Без дома».

События последнего дня раскручивались бесповоротно. Витя куда-то звонил. Женщина, ведущая литературной передачи, ответила, что готова принять писателя, но только в трезвом виде. Я уж было договорился с общежитием БГПИ - Носкова надо было срочно уложить в койку.

И тут в Доме печати возник писатель и журналист Сергей Бухаев. Сергей жил на руинах писательских дач на Верхней Березовке. Клевавший носом Виктор выпрямился.

Дальнейшее рассказали писатели-дачники. Виктор с Сергеем сообразили на двоих, потом еще, подтянулся третий... Под утро, в заброшенной даче на Верхней Березовке, Носкову стало худо. Вызвали «скорую». Фельдшер констатировал кончину литератора вследствие полного истощения организма.

Предвидел ли такой исход Носков? Ведь на спиртное пошло его «нз» - на обратный билет до малой родины. Витя будто знал, что он ему не понадобится, когда-то написав в стихах: «Мне б уйти по весне, на исходе апреля...».

(Продолжение следует)